

К вопросу о надгробии преподобного Андрея Рублева

А.Г. Авдеев

В свое время покойный В.А. Плугин отметил, что «при крайней скудости и неясности сведений» о величайшем иконописце Древней Руси преп. Андрее Рублеве «совершенно необходим критический анализ всего известного материала. Только в этом случае можно воссоздать основные этапы биографии великого живописца»¹.

В этой связи большую роль играют эпиграфические памятники, так или иначе связанные с жизнью и творчеством преп. Андрея Рублева. Разработка методов их исследования находится еще в начале пути².

Среди эпиграфических памятников, на которых стоит имя великого иконописца первостепенное значение имеет надгробие, будто бы отмечавшее место захоронения. 11 февраля 1947 г. на объединенном заседании сектора архитектуры и сектора живописи Института Истории искусств АН СССР, где решался вопрос о судьбе Спасо-Андроникова монастыря, известный архитектор-реставратор П.Д. Барановский сделал сенсационное сообщение: только что им было обнаружено надгробие величайшего иконописца Древней Руси преп. Андрея Рублева, погребенного в этой обители. В представленной слушателям реконструкции оно читалось следующим образом:

*Лета 6938 генваря в 29 день на память
преподобнаго отца нашего мученика Игнатия
Богоносца перенесения мощей, с субботы на воскресенье в...
часу нощи преставися инок Спасо-Андроньева монастыря Андрей,
презрядно писаши иконы святых, приснопамятный
муж, прозванный Рублев. Скончался в схиме,
добродетelmi zelo украшен, его бытия в сем мире
...лет, и погребен бысть на сем месте.*

© А.Г. Авдеев

При всей редкости известий о жизни великого иконописца архи- уникальная находка, сохранившая дату его смерти, по горькому заключению Ю.А. Бычкова, долгое время оставалась «вещью в себе»³. Первая публикация памятного доклада со значительными сокращениями вышла только 35 лет спустя⁴, хотя о существовании надгробия преп. Андрея Рублева писали М.В. Алпатов⁵, В. Антонова и Н. Мнева⁶. В 1974 г. В.А. Плугин одним из первых сообщил в печати, что копия с него хранится в архиве П.Д. Барановского, но, тем не менее, вообще не коснулся содержания эпитафии⁷, хотя основной массив источников о жизни и творчестве иконописца был проанализирован им с максимальной тщательностью.

Тем не менее, и до, и после публикации доклада П.Д. Барановского исследователи высказывали сомнения в подлинности надгробия, не приводя в пользу этой точки зрения серьезных аргументов⁸. Как правило, сомнения вызывало не его содержание,

¹ *Плугин В.А.* Мировоззрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974. С. 8.

² *Турилов А.А.* Кто благословил Н.Г. Строганова иконой Богоматери «письма... Рублева»? Иван (Исайя) Лукошко и «рублевская легенда» в конце XVI в. // Источники по истории реставрации и изучения памятников русской художественной культуры. XX век. (По материалам научной конференции 6–10 августа 2003 г.). М., 2005. С. 39–49; *Голейзовский Н.К.* Исследования в 3-х тт. Т. 1. Дионисий и его современники. Ч. 1. М., 2005. С. 41–50.

³ *Бычкова Ю.А.* Житие Петра Барановского. М., 1991. С. 101.

⁴ *Барановский П.Д.* Обитель Андрея Рублева // Неделя. Иллюстрированный еженедельник. 1982. № 6. С. 8–9.

⁵ *Алпатов М.В.* Андрей Рублев. М., 1972. С. 146.

⁶ *Антонова В., Мнева Н.* Государственная Третьяковская галерея. Древнерусская живопись. Т. 1. М., 1963. С. 265.

⁷ *Плугин В.А.* Мировоззрение... С. 9.

⁸ *Брюсова В.Г.* Андрей Рублев. М., 1995. С. 129; *Дудочкин Б.Н.* Андрей Рублев. Материалы к изучению биографии и творчества. М., 2000. С. 27; С. 71. № 9; *Словарь русских иконописцев XI–XVII вв.* Редактор-составитель И.А. Кочетков. М., 2003. С. 553. В этом отношении поражает наивность обоснования подложности находки П.Д. Барановского в научно-популярной статье Г. Дробот. «Такого «рисунка» (sic!) просто не могло существовать, ведь монахов хоронили в безымянных (!!!) могилах» (см.: *Дробот Г.* Андрей Рублев // Искусство. Учебно-методическая газета для учителей МХК, музыки и ИЗО. 2005. № 5 (317). 1–15 марта. С. 11.

а дата смерти великого иконописца, вокруг которой главным образом и ломались копыя. Так, сомнения в подлинности надгробия, высказанные В.Г. Брюсовой, свелись к следующим положениям. Надпись не была опубликована Н.И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике» в списке надгробий Спасо-Андроникова монастыря. Сохранилась она фрагментарно, и нет уверенности в том, что надгробие было правильно скопировано в XVIII в. С датой смерти преп. Андрея Рублева, указанной в эпитафии, идут вразрез показания древнейших источников. Наконец, П.Д. Барановский не выступил в печати, относительно предложенной В.Г. Брюсовой иной даты кончины иконописца и в конце жизни «говорил не о списке с надгробной плиты, но о самой плите, которую он будто бы видел сам»⁹. Видимо, по этой причине надгробие не было принято во внимание при подготовке материалов к общерусской канонизации преп. Андрея Рублева, состоявшейся в 1988 г.¹⁰

Первым, кто попытался аргументировано разобраться в вопросе подлинности надгробия, был В.А. Плугин¹¹. Вполне соглашаясь с тем, что в Спасо-Андрониковом монастыре надгробия преп. Андрея Рублева и Даниила Черного существовали реально, В.А. Плугин отметил, что «лексика уцелевших фрагментов вполне аутентична для средневековой Руси, в частности, и для XV в.». Исследователь даже сделал предположение, что эти надгробия могли послужить в качестве одного из источников «Сказания о святых иконописцах» и что встречающиеся в нем прозвища иконописцев — «Радонежский» и «Черный» — могли быть заимствованы именно с их эпитафий¹². В.А. Плугин обратил также внимание на то, что существует два варианта реконструкции заключительных строк надгробия. Первый — был опубликован в 1982 г. в «Неделе» — и звучал как «...преставился инок Спасо-Андроникова монастыря Андрей, изрядно писавший

⁹ Брюсова В.Г. Андрей Рублев... С. 129.

¹⁰ Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Троице-Сергиева лавра, 1988.

¹¹ Плугин В.А. Мастер Святой Троицы. Труды и дни Андрея Рублева. М., 2001. С. 505–507. Прим. 280.

¹² Плугин В.А. Мастер Святой Троицы... С. 508. Прим. 280.

иконы святых, прозванный Рублев, и скончался в схиме добродетельной и zelo украшенной и бысть погребен на сем месте». Второй вариант реконструкции – «...преставился инок Спасо-Андроникова монастыря Андрей, изрядно писавший иконы святых, приснопамятный муж, прозванный Рублев, скончался в схиме, добродетelmi zelo украшен, его бытия в сем мире... лет и погребен бысть на сем месте» – приведен в публикации доклада¹³. По мнению исследователя, эти варианты являются результатом сильной разрушенности строк эпитафии и «вовсе не компрометируют источник» П.Д. Барановского. В результате исследователь сделал противоречивый вывод о том, что текст эпитафии соответствует известным источникам, но «существующее мнение, что здесь имеет место мистификация, не выглядит беспочвенным», но не высказался ни за, ни против этой точки зрения¹⁴.

Безусловно, открытое П.Д. Барановским надгробие преп. Андрея Рублева ввиду уникальности требует дополнительного анализа с учетом всех известных в настоящее время известий о кончине иконописца и, главное, привлечения аналогий из других памятников древнерусской надгробной эпиграфики. Чтобы признать его современным кончине преп. Андрея Рублева, то есть датировать 1430 г., необходимо провести его тщательный формальный анализ. Палеографический анализ, учитывая то обстоятельство, что мы имеем дело с реконструкцией по копии, провести невозможно.

Начнем с того, что существует две версии обретения этого надгробия, причем обе они исходят от его первооткрывателя, П.Д. Барановского¹⁵.

Первая версия находки надгробия, изложенная П.Д. Барановским в докладе 1947 г.¹⁶, выглядит следующим образом. Эту надпись, находившуюся на стене Спасского собора Андроникова мо-

¹³ *Плугин В.А.* Мастер Святой Троицы... С. 506–507. Прим. 280.

¹⁴ *Плугин В.А.* Мастер Святой Троицы... С. 507. Прим. 280.

¹⁵ На это обстоятельство обратил внимание В.А. Плугин. См.: *Плугин В.А.* Мастер Святой Троицы... С. 505–506. Прим. 280.

¹⁶ *Барановский П.Д.* О времени и месте погребения Андрея Рублева // Петр Барановский. Труды. Воспоминания современников. Сост.: Ю.А. Бычков, О.П. Барановская, В.А. Десятников, А.М. Пономарев. М., 1996. С. 25. С. 20–21.

настыря, в 80-е гг. XVIII в. открыл и скопировал один из «колумбов российских древностей» — Г.-Ф. Миллер. Уже тогда надгробие имело плохую сохранность, однако на нем ясно читался год смерти иконописца и его имя. Позже Г.-Ф. Миллер передал копию Н.И. Новикову, который готовил публикацию средневековых надгробий Москвы для второго издания «Древней российской вивлиофики». Однако в начале 80-х гг. XVIII в. надпись, по всей вероятности, уже исчезла. Позднее копия надгробия Г.-Ф. Миллера попала к известному архивисту Н.П. Чулкову (1870—1940). В 1939 г. жена П.Д. Барановского, М.Ю. Барановская, получила от него часть его архива, в котором имелась и эта копия. Поиски ее, проводившиеся неоднократно в «портфелях» Г.-Ф. Миллера и в архиве Н.П. Чулкова результата не дали: список исчез.

Второй вариант «обретения» надгробия, был записан со слов П.Д. Барановского В.А. Десятниковым¹⁷ и затем повторен Ю.А. Бычковым¹⁸. Оказывается, в 1947 г. около Спасского собора Андроникова монастыря во время копки траншеи рабочими была выворочена сильно поврежденная известняковая плита, которая при ближайшем рассмотрении оказалась надгробием Андрея Рублева. Тогда П.Д. Барановскому удалось наскоро сделать эстампаж надписи, а утром следующего дня он обнаружил, что рабочие, копавшие траншею, пустили плиту на щебень¹⁹. Находка копии надгробия в архиве, легко заметить, здесь не фигурирует, а события сдвинуты на год. Находка плиты отнесена к октябрю 1947 г., а сам доклад — к 1 февраля 1948 г. Таким образом, в рассказе П.Д. Барановского оба события оказались контаминированы. Сам же рассказ, звучавший несколько десятилетий спустя, уже не отличался точностью, и многое в нем — в результате возрастных изменений памяти — уже обросло почти легендарными подробностями.

Из текста доклада П.Д. Барановского видно, что исследователь работал не с собственноручным эстампажем плиты, а с «копией» Г.-Ф. Миллера, и реконструкция текста базировалась на данных в ней размерах надгробия. Основываясь на «исчезнувшей» копии

¹⁷ Десятников В. Гражданин Отечества // Москва. 1987. № 8. С. 162.

¹⁸ Бычков Ю.А. Житие... С. 99—100.

¹⁹ Бычков Ю.А. Житие... С. 99—100.

Г.-Ф. Миллера, исследователь отметил тип надгробия – белокаменная плита-вставка «на внешней стороне собора» и ее размеры: длина 10 вершков и ширина – 8 вершков, а также дал текст фрагментов надписи, переписанных Г.-Ф. Миллером. П.Д. Барановский датировал надгробие временем, близким смерти иконописца. Его аргументация сводилась к следующему: 1) надпись, согласно Г.-Ф. Миллеру, имеет врезанные буквы, тогда как более поздние надгробия имеют «более выпуклые буквы»; 2) надгробия XVI в., сохранившиеся на паперти Спасского собора Андроникова монастыря, «должны довольно близко подходить к тому, что мы должны ожидать от надписи, которая должна быть на могиле Андрея Рублева»²⁰.

Г.-Ф. Миллер действительно тщательно копировал эпиграфические памятники. Как отмечал А.А. Формозов, у нас «нет оснований брать под сомнение» его «личную добросовестность»²¹. Опубликованные А.Б. Каменским копии надписей из Юрьева монастыря в Новгороде, сохранившиеся в «портфелях Г.-Ф. Миллера»²², показывают не только большой интерес исследователя к древнерусской эпиграфике, но и высокую степень точности копирования надписей. Однако списки надгробий, выявленные в «портфелях» Г.-Ф. Миллера, несколько не напоминают копию надгробия преп. Андрея Рублева, опубликованную П.Д. Барановским. Они *никогда* не содержат данных о размерах плиты, эпитафии не разделены на строки, а указания на способ изготовления, тип и размещение надписи отсутствуют *всегда*. Кроме того, Г.-Ф. Миллер никогда не копировал фрагментированных надгробий. Не делал он и эстампажей с надписей. Такая методика исследования древнерусских надписей была разработана В.Н. Щепкиным только в начале XX в., но в конце XVIII столетия столь тщательно эпиграфические памятники не фиксировал никто, даже сам Г.-Ф. Миллер.

Конечно, реконструкция утраченных частей текста надгробия и его датировка делалась П.Д. Барановским тогда, когда древне-

²⁰ Барановский П.Д. О времени... С. 23–24.

²¹ Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 23.

²² Каменский А.Б. Две новгородские надписи из «портфелей Г.-Ф. Миллера» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988.

русская лапидарная эпиграфика еще не превратилась в самостоятельную научную дисциплину, а надгробия XV–XVII вв. еще не стали объектом пристального изучения специалистов. Произойдет это в 60-е гг. XX в., когда трудами В.Б. Гиришберга будет введен в научный оборот свод московских надгробий XV – первой половины XVII вв. К моменту выступления П.Д. Барановский мог располагать весьма ограниченным материалом – несколькими публикациями и собственными наблюдениями во время реставрационных работ на памятниках архитектуры. Формальный анализ текста надгробия, проведенный исследователем, если подходить к нему с современными требованиями, выглядит весьма поверхностным, а его датировка XV в. – гипотетической. Сама реконструкция текста дана без учета вышедших из употребления букв, в частности ѣ на конце слов и і. Не учтены надстрочные буквы, возможные лигатуры, введено разделение слов²³. Что же касается формулы надгробия, то она вообще оставлена без внимания.

Сразу скажем, что надгробие, датированное 1430 г., в некрополе Спасо-Андроникова монастыря появиться не могло, как не могло оно появиться в любом другом некрополе Руси того времени. Первая надпись на надгробной плите датируется 1480 г.²⁴, но в массе они распространяются с 1492 г.²⁵ Примечательно, что в качестве аналогий для реконструкции самому П.Д. Барановскому не удалось привести ни одной надписи старше 1518 г. Таким образом, признавая датировку надгробия Андрея Рублева 1430 г., мы вынуждены были бы признать более раннюю дату появления надписей на надгробиях, что в настоящий момент противоречит всему имеющемуся в наличии материалу.

²³ На это обратил внимание В.А. Плугин.

²⁴ *Вишневецкий В.И.* О некоторых особенностях средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря (По материалам археологических исследований 2001 г.) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы III Международной конференции. Сергиев Посад, 2004. С. 99–101. № 1.

²⁵ *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 138; см. также: *Авдеев А.Г.* Древнерусские эпитафии как исторический источник // Преподавание истории и обществознания в школе. 2002. № 2. С. 69.

Форма надгробия – белокаменная плита-вставка – также не может соответствовать 1430 г. Подобные надгробия на Руси появляются сравнительно поздно. Наиболее ранняя надгробная плита данного типа относится к 1610 г. Это памятная плита князя Меркурия Тимофеевича Трубецкого в Троице-Сергиевой лавре²⁶.

Важным датирующим элементом является и форма надгробия. По типу надгробие, открытое А.И. Барановским, является закладной доской, которая обычно укреплялась в нише, сделанной на стене храма. Такой тип надгробий был особенно распространен в последней трети XVII – начале XVIII в.²⁷ И это полностью исключает возможность его изготовления в 30-х гг. XV в.

Конечно, можно возразить, что за пару столетий надгробие могло обветшать и во второй половине XVII в. его пришлось поновить. Поновление надгробных надписей в более позднее время, особенно на могилах местночтимых святых, не является событием, из ряда вон выходящим. Так, в XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре была обновлена плита на могиле преп. Максима Грека (умер 21 января 1556 г.), поскольку «прозвище слиняло от доски»²⁸. Л.А. Беляев приводит и ряд других надгробий мирян, обновленных в более позднее время²⁹. Но, пожалуй, наиболее ярким свидетельством является фрагмент надгробия из Иосифо-Волоколамского монастыря конца XVI – первой половины XVII в., хотя дата смерти указанного в ней лица укладывается в промежуток между 1391–1491 г.³⁰

Наше внимание должно быть обращено и на восстановленный П.Д. Барановским текст надгробия. Все дело в том, что русские средневековые эпитафии, как и любой памятник подобного рода, содержат определенный набор информационных элементов – устойчивых

²⁶ *Гиршберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. II. Надписи 1600–1650 гг. // НЭ. Т. III. С. 111. № 158. О белокаменных надгробных плитах-вставках см. статью А.В. Гращенкова в данном сборнике.

²⁷ *Беляев Л.А.* Русское средневековое... С. 172.

²⁸ *Николаева Т.В.* Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // НЭ. 1966. Т. VI. С. 209.

²⁹ *Беляев Л.А.* Русское средневековое... С. 309–310. Бм № 32–34.

³⁰ *Кавельмахер В.В.* Фрагмент памятной плиты первой половины XVII в. из Иосифо-Волоколамского монастыря // ПКНО-1988. М., 1989. С. 480–484.

формул, имеющих свои особенности для разных периодов времени. И именно изучение формульной части эпитафий часто позволяет отнести надгробие к той или иной эпохе. В настоящее время эволюция формы древнерусских надгробий детально проанализирована Л.А. Беляевым³¹, что позволяет проверить датировку, насколько формулы, восстановленные П.Д. Барановским в надгробии преп. Андрея Рублева, соответствуют формулам надгробий конца XV – начала XVI в. Ранние московские надгробия действительно имеют формулу «Лета... (месяца) в... день на память (такого-то) святого преставися раб Божий...», однако развернутой формулировки о дне недели и часе кончины, а тем более о количестве прожитых лет они не содержат. Эти указания появляются в начале 60-х гг. XVI в.³² и становятся общеупотребительными только с первой четверти XVIII в. Так что надгробие преп. Андрея Рублева с подобными формулами никак не могло появиться в первой половине XV в.

Одновременно отметим, что восстанавливаемая П.Д. Барановским формула «преизрядно писаша иконы святых» даже для надгробий XVI в. является анахронизмом, поскольку эпитафии этого времени ограничиваются лишь кратким указанием на профессию. Более того, летописи применительно к преп. Андрею Рублеву ее не указывают, упоминая либо его духовный сан, либо одно имя. Термин же «иконник» в данных текстах применяется к преп. Андрею Рублеву, главным образом, как к главе артели иконописцев³³. Более того, в XIV–XV вв. иконопись рассматривалась как один из видов труда, полезных для иноческого воздержания и терпения³⁴, и не могла заслужить столь цветистой (если не сказать точнее – барочной) формулы в надгробии. Слава пришла к преп. Андрею Рублеву через нес-

³¹ Беляев Л.А. Русское средневековье...

³² Наиболее ранний известный мне пример – на крышке саркофага Анны Романовны Сицкой, урожденной Юрьевой – датируется 1561 г. См.: Усыпальница прародителей царского дома Романовых в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. Церковно-археологический очерк. Сост. Т.В. Пасхалова, А.К. Станюкович. М., 1997. С. 26.

³³ СлРЯ XI–XVII вв. Т. 6. М., 1979. С. 220. s.v.

³⁴ Прохоров Г.М. Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995. С. 16–17.

колько десятилетий после кончины. Житие преп. Никона Радонежского, составленное Пахомием Сербом спустя несколько лет после смерти Андрея Рублева, именует его иконописцем, а Стоглав – живописцем – дословным переводом греческого термина «зограф»³⁵. Если надгробие преп. Андрея Рублева и существовало, то вырезанная на нем эпитафия читалась бы примерно так, как в надгробии 1545/46 г. из Возмищского монастыря близ Волоколамска: «Лет 7054 м(есяца)... // 17 день преставис рабъ // Божии инок Вас(ь)ян иконник на // память свягата мученика // Федора Тиро//на»³⁶.

Аналогичным изучаемому надгробию является надгробие на могиле жены князя Всеволода Большое Гнездо Феодосии, установленное в Юрьевском соборе Юрьева монастыря Новгорода, копия которого сохранилась в «портфелях» Г.-Ф. Миллера³⁷. В ней указываются не только год, месяц и день кончины княгини, но также и то, что она «благоговейно и благоугодно поживе... и на конец жития иноческий образ восприимши... и положена бысть в пресловушей обители святаго Георгия» и что погребенный рядом с ней сын Федор «отголе из обители перенесен бысть в Великий Новгород в соборную церковь Премудрости Божию». Обращает на себя внимание то, что здесь, также, как и на надгробии преп. Андрея Рублева, указана обитель, в которой была погребена княгиня Феодосия, хотя само местоположение могилы делало это излишним, а также высокие христианские добродетели покойной. Однако это надгробие не могло появиться ранее 1616 г., когда после разорения могилы шведами мощи князя Федора Ярославича были перенесены в Софийский собор Новгорода³⁸.

Что же касается формул, восстановленных П.Д. Барановским, – в особенности формулы, определяющей точную дату кончины

³⁵ Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 303; ср.: СлРЯ XI–XVII вв. Т. 5. М., 1978. С. 102. s.v. «живопись»; Т. 6. М., 1979. С. 195. s.v. «изограф».

³⁶ Золотов Ю.М. Надписи XVI в. из Волоколамска // РА. 1996. № 3. С. 192.

³⁷ Каменский А.Б. Две новгородские надписи... С. 112.

³⁸ Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 102–103.

иконописца и завершающей эпитафию, — «его бытия в сем мире ...лет, и погребен бысть на сем месте», — то они находят полные аналогии только в надгробиях последней трети XVII в. — эпохи так называемого «московского барокко», ознаменовавшейся значительным повышением интереса к человеческой личности. Д.С. Лихачев отмечал «просветительский» характер этой эпохи на Руси³⁹. В полной мере это можно отнести и к белокаменным надгробиям той эпохи, которые не столько отмечают место захоронения человека, сколько просвещают читателя об обстоятельствах его жизни. Надгробия, как и раньше, свидетельствуют о времени смерти, при этом они говорят не только о дне памяти святого, на который она пришлась (что в какой-то мере является продолжением древней традиции), но и о часе, и даже дне недели, совпавшем с датой кончины. Эти сведения уже являются бесспорным новшеством, что войдет в качестве типичного элемента в надгробия века XVIII.⁴⁰ Новшеством, подхваченным в последующие столетия, является и то, что в надгробиях начинает указываться возраст покойного: если в конце XV — первой половине XVII вв. на надгробиях отмечалась лишь дата смерти как начало жизни вечной, то в эпоху барокко эпитафии несут информацию о продолжительности земной жизни покойного, что является безусловным разрушением средневековой ментальности, рассматривавшей земную жизнь лишь как предуготовление к жизни вечной и потому подходившей к дате рождения человека как к незначительной частности его биографии, а к возрасту — как к понятию, определяющему положение человека внутри определенной возрастной группы. Помимо этого, существовало понятие духовного возраста: старцем в письменных источниках мог оказаться и совсем молодой человек, достигший вершин духовного подвига.⁴¹

В качестве ближайшей аналогии надгробию великого иконописца можно привести эпитафию на надгробии И.Д. Милославского (ум. в 1668 г.) в московской церкви св. Николая на Столпах:

³⁹ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили // Лихачев Д.С. Избранные работы в 3-х тт. Т. 1. Л., 1987. С. 247–248.

⁴⁰ Беляев Л.А. Русское средневековье... С. 256–258.

⁴¹ Ср.: Плугин В.А. Мировоззрение... С. 11–12.

«Лета 7176 мая в 19 день в часу дня по полудни во исходе на память священномученика Патрикия епископа Пруссаго преставися раб Божий благоверный болярин Илья Данилович Милославский. Лета его живота 73 года 10 месяцев 15 дней»⁴². Похожие формулы имеются и на надгробии 1692 г. из Троице-Сергиевой лавры – «Лета 7200-го сентября в 14 день на всемирное Воздвижение честнаго креста в 11-м часу дни в 3 четверти преставися раба Божия...»⁴³. Как и надгробие преп. Андрея Рублева, оно было вмонтировано в стену храма, однако, в отличие от него, украшено барочным орнаментом. Подобные аналогии можно продолжить, но и без этого ясно, что надгробие преп. Андрея Рублева в том виде, в каком его восстановил П.Д. Барановский, могло быть выполнено только в конце XVII в., то есть в то самое время, когда точные данные о кончине великого иконописца были прочно забыты. Более того, параллели восстановленной П.Д. Барановским формулы имеются в «Сказании о святых летописцах» в редакции, опубликованной Ф.И. Буслаевым: «Преподобный Андрей, Радонежский иконописец, прозванием Рублев, писаше многия святыя иконы, чудны зело и украшенны»⁴⁴. Сопутствующая же ей в эпитафии фраза о том, что иконописец был «добродетelmi зело украшен» находит прямую аналогию в Житии преп. Сергия Радонежского в редакции Пахомия Серба, где о преп. Андрее Рублеве сообщается, что он был «иконописец преизрядный, всех превъсходящи мужей добродетelmi»⁴⁵. Таким образом, компилятивный характер эпитафии преп. Андрея Рублева очевиден: источниками для нее послужили выписки из Жития преп. Сергия Радонежского, «Книги, глаголемая о российских святых» и «Сказания о святых иконописцах». К ним были прибавлены формулы, характерные для надгробий конца XVII–XVIII вв. с упоминаниями о дне и часе

⁴² *Клейн В.К.* Надписи на гробницах в церкви Николая на Столпах. М., 1905. С. 4. № 16.

⁴³ *Николаева Т.В.* Новые надписи... С. 252. № 32.

⁴⁴ *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской словесности. Т. II. М., 1861. С. 379–380. № 14–15.

⁴⁵ *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 401–402.

кончины, а также возрасте преп. Андрея Рублева, которые в этих источниках отсутствовали.

Рассмотрим вопрос о подлинности содержащейся в надгробии даты смерти иконописца. Оно является не единственным памятником, содержащим дату кончины преп. Андрея Рублева. К сожалению, в основном нашем источнике, который мог бы внести ясность в этот вопрос, — рукописном Синодике Спасо-Андроникова монастыря, датированном второй половиной XVII в.⁴⁶, — листы с именами иноков и жертвователей обители утрачены. Но тот же год смерти иконописца, что и в надгробии, сообщает «Книга, глаголемая описание о российских святых»: «Преподобныя отцы, Андрей Рублев и Данило Черный спостник его... преставишася в лето 6938, положени быша в монастыре Андроникове»⁴⁷.

Этот источник еще не получил детального изучения в науке. Не известно даже точное количество его списков и их соотношение. Время возникновения «Книги...» М.В. Толстой определял в пределах конца XVI или начала XVII вв., отмечая, что впоследствии она неоднократно дополнялась новыми сведениями. Сам исследователь положил в основу издания этого памятника четыре списка XVII–XVIII вв., включив данные других списков в качестве дополнений. На основании изучения палеографии списков В.Д. Кузьмина пришла к выводу, что в окончательном виде этот источник сформировался к началу XVIII в.⁴⁸

Исследовательница отметила, что источником рассматриваемого отрывка стали Жития преп. Сергия и Никона Радонежских⁴⁹. При этом она, ни словом не обмолвившись о докладе П.Д. Барановского, о существовании которого, видимо, не знала, отметила,

⁴⁶ ГИМ ОР. Собрание Е.В. Барсова. № 974. Благодарю Ю.А. Грибова за полезную для меня консультацию.

⁴⁷ Публикуем по списку 1716 г.: НБ МГУ. ОРиРК. № 293. Л. 4 об.; ср.: *Сергий*, архим. Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865. Приложение. С. 11; Толстой М.В. Книга, глаголемая описание о российских святых, где и в котором граде или области или монастыре и пустыни поживе, чудеса сотвори, всякаго чина святых. М., 1887. С. 71. № 185.

⁴⁸ *Кузьмина В.Д.* Древнерусские письменные источники об Андрее Рублеве // Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971. С. 121.

⁴⁹ *Кузьмина В.Д.* Древнерусские... С. 122.

что сведения о дате кончины преп. Андрея Рублева составитель «Книги...» мог почерпнуть именно из надгробия, которое он, несомненно, видел в обители.

Второй источник, не содержащий года кончины преп. Андрея Рублева, но сообщающий о его погребении в Спасо-Андрониковом монастыре, — это уже упоминавшееся «Сказание о святых иконописцах», входящее в состав некоторых иконописных подлинников. В.Д. Кузьмина считает его компиляцией рубежа XVII—XVIII вв., составителю которой были известны Стоглав и пахомиевская редакция Жития преп. Никона Радонежского. Знал он и о местонахождении могил преп. Андрея Рублева и Даниила Черного⁵⁰. Но исследователи этого произведения не обратили внимания на то, что оно относится к особому жанру древнерусской книжности — припоминаниям о святых, в которых, как правило, описывались последние дни и часы их земной жизни. Сравнительно недавно этот жанр древнерусской книжности был проанализирован архимандритом Макарием (Веретенниковым)⁵¹, приходившим к выводу, что, как правило, такие произведения, имевшие частный характер, писались сразу же после кончины подвижников ближайшими к ним людьми. Возможно, подобная запись и составила ядро «Сказания о святых иконописцах». Составитель лишь сократил ее и дополнил сведениями, почерпнутыми из Стоглава и Жития преп. Никона Радонежского в редакции Пахомия Сербя.

Возможно, год смерти преп. Андрея Рублева, а, вероятно, день и месяц и час кончины первоначально в полном виде могли читаться именно в такого рода припоминании... Если бы не одно обстоятельство: в древнерусских агиографических произведениях конца XIV — начала XV в. указание на точное (до часу) время кончины подвижников встречается не всегда. Это может быть распространное сообщение, как в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Донского»: «...мая в 19 на память святого мученика Патрекиа, на 5-й недели по Пасце в среду, в 2 час ночи».⁵² Нередко час кончины привязывался к суточному циклу

⁵⁰ Кузьмина В.Д. Древнерусские... С. 120–121.

⁵¹ Макарий (Веретенников), архим. Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996. С. 75–102.

богослужения, как в «Рассказе очевидца о преставлении преп. Пафнутия Боровского»: «егда же вечернее правило свершашеся».⁵³ Чаще всего час кончины не упоминался вообще, как в Житии преп. Сергия Радонежского, составленном преп. Епифанием Премудрым, где указаны только год, месяц и день кончины основателя Троицкого монастыря⁵⁴. Указание же на число прожитых лет вообще является редкостью: древнерусские книжники проявляли интерес не к физическому долголетию, а к духовному возрасту.

Дату смерти иконописца, сохранившуюся в данных источниках, впервые оспорил архиепископ Сергей (Спасский), предположивший, что год смерти преп. Андрея Рублева был привязан к дате смерти преп. Никона, которая в Макариевских Великих Минеях Четых показана под 6938 г. Учитывая, что последний после кончины преп. Сергия Радонежского в 1391 г. предстоятельствовавал в Троицком монастыре 37 лет и, следовательно, почил в 1428 г., а по Житию же преп. Никона, преп. Андрей Рублев умер незадолго до его смерти, архиепископ Сергей предложил считать годом смерти иконописца 1427 г.⁵⁵ В наши дни к этой проблеме вернулась В.Г. Брюсова, которая назвала датой кончины преп. Андрей Рублева август–ноябрь 1427 г.⁵⁶ Суть ее возражений сводится к следующему. Свидетельство Жития преп. Никона Радонежского о росписи Спасского собора в Андрониковом монастыре является поздней интерполяцией, поскольку по ее мнению этот собор был построен и расписан в конце XIV в. В более ранних списках говорится о смерти иконописца после росписи Троицкого собора в Троицком монастыре⁵⁷. Одним из аргументов В.Г. Брюсовой в пользу невозможности строительства Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря в 1427–1428 гг. является соображение о том, что в это время в Москве свирепствовала эпидемия чумы, и «трудно

⁵² Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Донского // БЛДР. Т. 6. М., 1999. С. 214, 216.

⁵³ Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // БЛДР. Т. 7. М., 1999. С. 284.

⁵⁴ Житие Сергия Радонежского // БЛДР. Т. 6. М., 1999. С. 388.

⁵⁵ *Сергий*, архим. Историческое описание... Приложение. С. 14–15.

⁵⁶ *Брюсова В.Г.* Спорные вопросы биографии Андрея Рублева // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 38.

⁵⁷ *Брюсова В.Г.* Спорные вопросы... С. 35–36.

представить, что церковь строилась, когда смерть косила людей»⁵⁸. Факты, содержащиеся в летописях, свидетельствуют об обратном. Так, в Пскове и Новгороде во время эпидемий для прекращения бедствия специально сооружались деревянные или каменные обыденные церкви, которые, как правило, посвящались Спасителю, Богородице или святому, на день памяти которого падало строительство⁵⁹. В.Г. Брюсова обращает внимание также на то, что преп. Андрей Рублев, согласно Житию преп. Никона, умер незадолго до кончины Троицкого игумена (17 ноября 1428 г.), связывая эту смерть со свирепствовавшим в Москве моровым поветрием. Эту же дату признаёт и О.Г. Ульянов⁶⁰, посвятивший статью древнейшему некрополю Спасо-Андроникова монастыря. Отрицая достоверность сведений «Книги...» и «Сказания...», о дате смерти иконописца, В.Г. Брюсова обращает внимание на то, что единственный список Жития, в котором смерть преподобного Никона отнесена к 1430 г., находится в Макарьевских Великих Четых-Минях, и все последующие данные о росписи Спасского собора и кончине преп. Андрея Рублева восходят именно к ней⁶¹. При этом данные, содержащиеся в надгробии иконописца, о котором В.Г. Брюсова прекрасно осведомлена, игнорируются, поскольку не вписываются в созданную ею схему создания и росписи Спасского собора. Относительно же противоречия данных надгробия древнейшим источникам, то этот вывод целиком и полностью остается на совести исследовательницы. Упрекая иных ученых в том, что они, занимаясь творчеством преп. Андрея Рублева, «выбирают то, что им представляется наиболее достоверным»⁶², она сама же следует этой методе. Главный ее источник — Жития преп. Сергия и Никона Радонежских — объявляется единственно достоверным, и

⁵⁸ Брюсова В.Г. Спорные вопросы... С. 40.

⁵⁹ Уваров А.С. Обыденные, единокровные церкви // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. I. Вып. 2. М., 1867. С. 43, 46 (отд. пагинации); Зеленин Д.К. Обыденные полотенца и обыденные храмы // Живая старина. 1911. Вып. 1. С. 18–19.

⁶⁰ Ульянов О.Г. Древнейшая история некрополя Спасо-Андроникова монастыря // Московский некрополь. История. Археология. Культура. Охрана. М., 1996. С. 27.

⁶¹ Брюсова В.Г. Спорные вопросы... С. 47.

⁶² Брюсова В.Г. Спорные вопросы... С. 36.

все, что не соответствует содержащимся в них данным, отвергается. Такой подход не лишен некоторой гиперкритичности и страдает односторонностью.

Житие само по себе является источником комплексным, требующим особой осторожности при обращении с содержащимися в нем фактами. Агиография, как никакой иной жанр древнерусской книжности, испытала решающее воздействие средневековой ментальности. В.О. Ключевский считал эту категорию источников «труднейшими для исторической критики памятниками древнерусской письменности»⁶³. Их специфика состоит в том, что житие — не историческое и даже не биографическое повествование, а в первую очередь произведение назидательное. Жития являются весьма специфической группой исторических источников и требуют особого источниковедческого подхода. Важнейший элемент жития — это факт, а не его точная хронологическая привязка. Однако под историческим фактом люди Средневековья понимали совсем иное, нежели современные историки⁶⁴. Житийное повествование всегда несет элементы назидания и наполнено символическим смыслом, раскрытие которого является одной из основных задач произведения. Его цель — не точное воспроизведение действительности, не достоверное изображение человека, а нравственное, воспитывающее воздействие на читателя. И в этом смысле «житийное время», как, впрочем, и «житийный факт», имеет, если так можно выразиться, *вневременной* характер, связанный с *вневременным* же характером подвига святого и не всегда соответствующий действительной их последовательности⁶⁵. Поэтому хронологические указания древнерусских житий не всегда нужно понимать буквально. Так и в случае с Житием преп. Никона. Вывод о том, что преп. Андрей Рублев умер раньше преп. Никона является результатом неправильного понимания житийного рассказа.

⁶³ Ключевский В.О. Источники русской истории // Соч. В 9-ти тт. Т. VII. М., 1989. С. 77.

⁶⁴ Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей-1996. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX в. М., 1996. С. 91–92.

⁶⁵ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы в 3-х тт. Т. I. Л., 1987. С. 536.

При внимательном рассмотрении агиографического наследия Пахомия Серба оказывается, что в нем сохранились две взаимоисключающие версии о времени и месте смерти великого иконописца. Первая, связанная с Троице-Сергиевым монастырем и отраженная в Житии преп. Никона Радонежского, свидетельствует о кончине преп. Андрея Рублева и Даниила Черного до смерти преп. Никона (что однозначно указывало на роспись Троицкого собора как на последнюю его работу) и погребении в Троице-Сергиевом монастыре: «видеша же братиа сих преставление»⁶⁶. Вторая версия содержится в Житии преп. Сергия Радонежского третьей Пахомиевской редакции (по классификации Б.М. Клосса), составленной около 1442 г. Здесь впервые появляется никак не связанный с пророчеством преп. Никона рассказ о росписи преп. Андреем Рублевым Спасского собора в Андрониковом монастыре: «по времени же бывшую игумену Александру, ученику предпомянутаго игумена Савы, и другому ученику, Андрею именем, иконописцю преизрядному, всех превьсходящии мужей добродетелным житьем, и прочии мнози ученицы его, създаста в обители себе церковь каменну красну зело и подписанием чудным украсиша ю в память святых отец своих... И тако богоугодно поживше, к Господу отъидоша»⁶⁷. Согласно этой версии, великий иконописец возвратился из Троицкой обители в Андроников монастырь и скончался там после росписи Спасского собора. В той или иной степени обе версии оказались совмещенными в миниатюрах, иллюстрирующих жития преп. Сергия и Никона Радонежских, породив разногласия среди современных исследователей.

Рассмотрим подробнее. В Житии преп. Никона Радонежского рассказ о росписи Спасского собора является вставным эпизодом, дающим читателю своего рода справку о дальнейшей судьбе иконописцев, которая была открыта преп. Никону. Затем повествование возвращается к рассказу о кончине троицкого игумена, в связи с чем Пахомий Серб отмечает: «Мы же оставльше еже о сих, паки на

⁶⁶ Клосс Б.М. Избранные труды... С. 88; см. также: Попов Г.В. Даниил и Андрей Рублев в Троице-Сергиевом монастыре // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы III Международной конференции 25 сентября – 27 сентября 2002 г. Сергиев Посад, 2004. С. 218–219.

⁶⁷ Клосс Б.М. Избранные труды... С. 401–402.

предлежаще да възвратимся»⁶⁸. Эта оговорка составителя Жития, определенно свидетельствующая о кончине преп. Андрея Рублева *после* кончины преп. Никона, не была замечена исследователями, что и привело к необоснованному выводу о том, будто великий иконописец скончался *до* смерти троицкого игумена. Более того, приступая к составлению Жития, Пахомий Серб, в значительной степени основывавшийся на устной традиции, но, очевидно, не располагавший информацией о последних годах жизни иконописцев, сам сомневался в правильности изложенной им последовательности событий. «Мы же худостию разума своего неудоумеваем: кое прежде глаголати; но убо в мале ныне настоящая вспомянувшe и прочия по сих елико возможно предложим», — отмечал агиограф⁶⁹.

Вторая версия, в которой имя преп. Андрея Рублева стоит рядом с именем игумена Александра, начало предстоятельства которого в Андрониковом монастыре относится ко времени не раньше 1427 г., также не дает оснований категорически настаивать на том, что преп. Андрей Рублев умер *до* смерти преп. Никона.

По мнению Г.В. Попова, обе версии места кончины преп. Андрея Рублева «примиряет» духовная грамота преп. Иосифа Волоцкого, где с опорой на рассказ троицкого игумена Спиридона сообщает о том, что после работ в Троицком монастыре иконописец вернулся в Андроникову обитель и там умер⁷⁰.

Что же касается рассказа о преп. Андрее Рублеве в Макарьевской редакции Жития преп. Никона, находящейся в Великих Четьих-Минях⁷¹, где переход от рассказа о кончине иконописцев к рассказу о смерти преп. Никона действительно отсутствует, то он имеет иную цель и помещен здесь вовсе не для того, чтобы сообщить читателю точное время кончины преп. Андрея Рублева, но чтобы дать пример прозорливости преп. Никона Радонежского, предвидевшего скорую смерть великого иконописца⁷².

⁶⁸ Яблонский В.С. Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографический очерк. СПб., 1908. С. LXXVI.

⁶⁹ Яблонский В.С. Пахомий Серб... С. LXXV.

⁷⁰ Попов Г.В. Даниил... С. 219–220.

⁷¹ ВМЧ. Вып. 9. Ч. 1. Ноябрь. Дни 16–22. М., 1914. С. 296.

⁷² Плугин В.А. Мирозозрение... С. 28–29.

Таким образом, Жития преп. Сергия и Никона Радонежских и духовная грамота преп. Иосифа Волоцкого определенно свидетельствуют о том, что преп. Андрей Рублев скончался в Андрониковом монастыре после 1428 г. Значит, 6938 г. как год кончины иконописца, основанный на письменной традиции, не может вызывать сомнений.

Днем смерти иконописца в реконструированной П.Д. Барановским эпитафии названо 29 января, день перенесения мощей св. Игнатия Богоносца. И это сообщение не находит *никаких аналогий* в сохранившихся письменных памятниках.

Благодаря этой неясности предлагаются иные дни кончины преп. Андрея Рублева. Так, О.Г. Ульянов считает, что она приходилась на 17 октября 1428 г.⁷³ Признавая безусловную подлинность надгробия, опубликованного П.Д. Барановским, он останавливается только на одном фрагменте эпитафии, где сообщается, что кончина иконописца произошла в день св. Игнатия Богоносца. Далее исследователь пишет: «Память священномученика Игнатия Богоносца, названная в этой летописи, должна отмечаться 17 октября, согласно указаниям восточного мартиролога IV в. в его сирийской версии. Сохранившееся название дня недели — «с субботы» — позволяет определить по хронологическим таблицам русского месяцеслова единственно возможную для конца 20-х гг. XV в. дату, когда день Игнатия Богоносца пришелся на субботу, — это *17 октября 1428 года*. В этот день Русской Православной Церковью совершается память преподобномученика Андрея Критского, с именем которого традиция Троице-Сергиевой лавры связывала празднование памяти преп. Андрея Рублева». В качестве дополнительного аргумента для подтверждения предложенной даты О.Г. Ульянов приводит указание краткой редакции Жития преп. Никона Радонежского, где отмечается, что кончина Троицкого игумена произошла 17 ноября 1428 г. «в мале времени по преставлении» Андрея Рублева и Даниила Черного.

Искусственность таких построений очевидна. Во-первых, точный год кончины преп. Андрея Рублева, приходящийся на

⁷³ Ульянов О.Г. Цикл миниатюр лицевого «Жития Сергия Радонежского» о начале Андроникова монастыря // ПКНО-1995. М., 1996. С. 189–190.

1430 г., сохранился не только на надгробии, но и в других письменных источниках, на которые О.Г. Ульянов не ссылается. Во-вторых, нужно еще доказать, что праздники, отмеченные в сирийском мартирологе IV в., к тому же поврежденном еретиками-арианами⁷⁴, были приняты и в Русской Православной Церкви в XV в. Громадный материал, собранный архиепископом Сергием (Спасским), свидетельствует о том, что месяцеслов Русской Православной Церкви базировался отнюдь не на сирийских мартирологах, а на Уставе Великой Константинопольской церкви, Студийском и Иерусалимском уставах⁷⁵. Среди большого количества русских месяцесловов XI–XIV вв., проанализированных О.В. Лосевой, день памяти преподобномученика Андрея Критского, приходящийся по Иерусалимскому уставу на 17 октября, отмечен только в одном: в греческих календарях X–XIII вв. константинопольского происхождения и славянских месяцесловах его память обычно праздновалась 19 или 20 октября⁷⁶. В старорусских надгробиях конца XV – начала XVIII в. под этим днем обычно писалась память св. Григория Неокесарийского. Наконец, преподобномученика Андрея Критского О.Г. Ульянов спутал с соименным ему святителем Андреем, архиепископом Критским (день памяти 4 июля), который согласно традиции, принятой в Троице-Сергиевой лавре, являлся небесным покровителем иконописца. Исследователь даже упустил, что в надгробии, согласно расчетам П.Д. Барановского, речь шла не о дне памяти св. Игнатия Богоносца, но о воспоминании перенесения его мощей, которое по уставам Великой Константинопольской церкви и Студийскому, приходится только на 29 января (день памяти отмечается 20 декабря)⁷⁷. В оправдание созданной путаницы О.Г. Ульянов даже приводит такой аргумент: «Впоследствии, видимо, произошло замещение на 4 июля – день памяти св. Андрея, архиепископа Критского»⁷⁸.

⁷⁴ *Сергий*, архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. I. Владимир, 1901. С. 86.

⁷⁵ ДРВ. Т. XIX. М., 1791. С. 394. № 61.

⁷⁶ *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 179, 181.

⁷⁷ *Сергий*, архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. II. Ч. 2. Владимир, 1901. С. 596.

⁷⁸ *Ульянов О.Г.* Цикл миниатюр... С. 192. Прим. 34.

Однако церковная традиция, как правило, очень консервативна. Трудно себе представить, что такие, ничем не мотивированные изменения, могли иметь место в действительности. В день памяти св. Андрея, архиепископа Критского в Троице-Сергиевой обители память преподобного Андрея Рублева отмечали не в связи с его кончиной — по древней традиции умерших иноков в обителях часто поминали в день их пострижения⁷⁹. Таким образом, у нас нет никаких оснований считать, что путаница, возникшая с днем памяти иконописца у О.Г. Ульянова, имела место в XV–XVI вв.

Конечно, восстановленная П.Д. Барановским дата 29 января выглядит вполне достоверно, ибо, с одной стороны, не имеет никакой связи с монашеским именем великого иконописца, с другой, — не требует весьма сложных и шатких дополнительных хронологических построений. Тем не менее, с указанным в эпитафии днем кончины преп. Андрея Рублева возникает ряд вопросов. Если надгробие иконописца было открыто для обозрения почти 350 лет, то почему *ни один* письменный источник не отразил этой даты — при том, что интерес к творениям преп. Андрея Рублева в XVI–XVII вв. был достаточно велик? Все же в источниках этого времени изредка, но встречаются сведения об эпитафиях над могилами почитаемых святых. Так, в цитированный уже список «Книги, глаголемой о русских святых» из Научной библиотеки МГУ рукою С. Моховикова, его первого владельца, было вписано дополнение о надгробиях над захоронениями местночтимых подвижников, погребенных в соборе Покрова, что на Рву: «У святого Василия Блаженного в церкви его погребены трудники и затворники Сергей и Тарасий, родом псковичи. Были и дски каменные с летописью на них. У святого блаженного Иоанна у дверей вне погребен Наум верижник, была и дска же писанная»⁸⁰. Почему же тогда день кончины преп. Андрея Рублева не был известен даже в Спасо-Андрониковом монастыре, а в Троице-Сергиевой обители день памяти иконописца был соотнесен с днем его пострижения? Наконец, почему день кончины преп. Андрея Рублева «мистичес-

⁷⁹ Сергеев В.С. Рублев. М., 1981. С. 108.

⁸⁰ НБ МГУ. ОРиРК. № 293. Л. 461 об.

ким образом» совпал с днем объединенного заседания сектора архитектуры и сектора живописи Института Истории искусств АН СССР в 1947 г. (11 февраля по новому стилю соответствует 30 января по старому), на котором решилась судьба Спасо-Андроникова монастыря?

Реконструированный П.Д. Барановским текст эпитафии свидетельствует, что кончина иконописца произошла в ночь с субботы на воскресенье. Но действительно ли это так? Надгробие в реконструкции П.Д. Барановского неоспоримо свидетельствует, что это так, поскольку имеющаяся дата дана по сентябрьскому стилю⁸¹. Но на Руси до 1492 г. использовался мартовский стиль. В 6938 г. от Сотворения Мира по мартовскому стилю ночь с 29 на 30 января приходилась с понедельника на вторник. Более того, данному году будет соответствовать не 1430 г. от Рождества Христова, а 1431. И эта дата будет предпочтительной, поскольку после смены мартовского стиля сентябрьским пересчет дат в новый стиль на Руси, как правило, специально не производился.

Наконец, вопрос о месте размещения надгробия преп. Андрея Рублева. П.Д. Барановский, основываясь на «копии» Г.-Ф. Миллера предполагал, что оно находилось на северной стене Спасского собора, непосредственно над самим захоронением. Однако, если надгробие действительно относилось к 1430 г., то единственное место, где оно могло располагаться, — это внешняя стена *белокаменного* Спасского собора, который вплоть до середины XX в. был окружен поздними пристройками. Говоря иначе, Г.-Ф. Миллер мог видеть надгробие только *внутри* собора. Если оно находилось на внешней стене *поздней* пристройки, — значит, это был новодел, не имеющий отношения к Г.-Ф. Миллеру. Согласно выводам П.Д. Барановского, последний передал искомую копию Н.И. Новикову между 1779—1783 г., то есть после приезда того в Москву, но до своей смерти⁸². Однако в данный промежуток времени сделать это было нереально: О.Г. Ульянов обнаружил документы, согласно кото-

⁸¹ Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944.

⁸² Барановский П.Д. О времени... С. 25.

⁸³ Ульянов О.Г. Древнейшая история... С. 25, 27.

рым с 1780 по 1790 гг. у северной стены Спасского собора велись строительные работы по сооружению новой паперти⁸³. Стало быть, все это десятилетие надгробие преп. Андрея Рублева, если оно действительно существовало, вряд ли было доступно для обозрения. Проф. Ф.Г. Политковский, вслед за Г.-Ф. Миллером занявшийся в 1785–1786 гг. сбором надписей для «Вивлиофики», искомого надгробия в Андрониковом монастыре не нашел. В начале XIX в. его не смог найти и известный москвовед И.Г. Иванчин-Писарев. Значит, не было и новодела?

Еще до находки О.Г. Ульянова В.Г. Брюсова обнаружила запись в рукописном сборнике начала XIX в. о разрушении «старой колокольни» к северо-западу от западного портала Спасского собора⁸⁴. Под ней, как явствовало из записи, и находились могилы преп. Андрея Рублева и Даниила Черного. Первоисточник этих сведений неясен: то ли автор записи и в самом деле знал о существовании надгробия, то ли (что наиболее достоверно) опирался на какое-то устное предание.

Показательно, что, согласно этой записи, расположение колокольни в принципе совпало с местом «находки» надгробия преп. Андрея Рублева. И это можно было бы считать самым неотразимым аргументом в пользу версии П.Д. Барановского. Однако весь имеющийся комплекс изображений колокольни — начиная от миниатюр второй половины XVI в. к Житию преп. Сергия Радонежского и заканчивая акварелями Ф. Кампорези конца XVIII в. показывают, что она находилась у юго-западного угла Спасского собора⁸⁵.

Дальнейшие исследования этого участка, проведенные в 2001 г. засвидетельствовали, что именно здесь располагался древнейший участок монастырского некрополя, перекрытый при строительстве Спасского собора в первой четверти XV в. мощной подсып-

⁸⁴ Брюсова В.Г. Андрей Рублев... С. 47.

⁸⁵ Красовский И.С. Архитектурный ансамбль Спасо-Андроникова монастыря. М., 2005. С. 118–120.

⁸⁶ Беляев Л.А., Кренке Н.А., Чернов С.З. Комплексные исследования в Андрониковом монастыре и исследования в районе храма Василия Блаженного // АО-2001 г. М., 2002. С. 102–103.

кой⁸⁶. Возможно, именно этот участок связан и с погребением преп. Андрея Рублева.

Но ошибался не только П.Д. Барановский. Во время раскопок под центральной алтарной апсидой Спасского собора О.Г. Ульянов действительно обнаружил монашеские погребения. Он датировал их XV в. и связал с захоронениями преп. Андрея Рублева и Даниила Черного, хотя в принципе их там не могло быть⁸⁷. Медико-криминалистическое исследование костных останков, проведенное В.Н. Звягиным, позволяет идентифицировать эти могилы как захоронения первых игуменов. Несмотря на повышенное содержание в почве ртути и мышьяка, входивших в состав минеральных красок, которые использовались при росписи собора, в костях из захоронений эти соединения отсутствовали, что свидетельствует против принадлежности захоронений иконописцам⁸⁸.

Подведем итог. На основании всей суммы фактов вывод о фальсификации находки надгробия великого иконописца П.Д. Барановским неизбежен. Но это не была фальсификация, преследующая целью создание грубой сенсации в стиле академика Фоменко. По итогам заседания 10 декабря 1947 г. И.В. Сталиным было подписано постановление о превращении Спасо-Андроникова монастыря в архитектурно-художественный заповедник, в чем была прямая заслуга П.Д. Барановского. Так фальсификация, появившаяся «в нужном месте и в нужное время», помогла спасти уникальный памятник культуры Древней Руси от разрушения и организовать в его стенах музей древнерусского искусства, которому было присвоено имя преп. Андрея Рублева. Возможно, в этом и кроется ответ на вопрос, почему П.Д. Барановский вплоть до кончины не опубликовал «уникальную находку» и никогда не настаивал на ее подлинности.

⁸⁷ Любезное сообщение С.З. Чернова

⁸⁸ Звягин В.Н. Опыт медико-криминалистического исследования церковных захоронений // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород, 2003. С. 210–211.

Summary

A.G. Avdeev

On the Gravestone of Venerable Andrei Rublev

This article researches the report of P.D. Baranovskiy about the discovery of the gravestone of the great Russian icon painter venerable Andrey Rublev in Moscow Spaso-Andronikov monastery in 1947. It also analyses the reconstructed text of the epitaph. On the basis of broad-range sources, the author of the article comes to the conclusion that the discovery was a forgery, committed only to save the monastery from destruction. Due to P.D. Baranovkiy's report, this unique cultural monument of Ancient Rus was saved from demolishing and The Museum of Ancient Russian Art, which bears the name of venerable Andrei Rublev was founded there.